

«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК» РОССИЙСКОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ (АНТИФОН Т.А. ФОЛИЕВОЙ)

В ходе чтения открывающих данную дискуссию материалов Т.А. Фолиевой, обращают на себя внимание следующие ее тезисы:

- в психологическом плане в умонастроении отечественных религиоведов сейчас преобладают депрессия и страх, вызванные стагнацией развития гуманитарной науки и «дурной бесконечностью» реформирования высшего образования, чья симптоматика хорошо различима – это и резкое сокращение количества бюджетных мест для студентов и преподавателей, и урезание финансирования, и закрытие профильных кафедр в вузах или же их слияние и перепрофилирование;

- «госсказ» под настоятельным воздействием крупных корпораций, таких как Русская православная церковь, постепенно переориентируется на теологию (в т.ч. светскую, философскую и т.п.);

- до сих пор не выработаны критерии профессиональной само/идентификации религиоведа и приемы отфильтровывания «псевдорелигиоведческого» шарлатанства;

- рядовые участники ассоциаций религиоведов как регионального, так и общероссийского уровня разобщены, а их (иногда даже самопровозглашенное) руководство погрязло в административной рутине и полускандальном дележе компетенций, лавров и управленческих полномочий;

- религиоведческие «бренды» не успевают за «трендами» в погоне за грантами и т.д.

К сожалению, нужно полностью согласиться со всеми утверждениями Т.А. Фолиевой и сосредоточить свои усилия на поисках выхода из затянувшегося системного кризиса. Более того, они звучат в пандан тому, что уже было заявлено профессором М.Ю. Смирновым несколько лет назад на страницах его монографии 2013 г.¹ Заслугой М.Ю. Смирнова является постановка и попытка решения с социологической точки зрения фундаментальных

¹ Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России. – СПб.: РХГА, 2013.

вопросов российской «науки о религии», не теряющих своей актуальности поныне, а именно:

- обособление предметной области религиоведения;
- состав и строение религиоведения как науки;
- профессиональная интеграция отечественных и зарубежных специалистов;
- критерии профессиональной само/идентификации религиоведов;
- существование универсального профессионального сообщества религиоведов;
- отношение религиоведов к «религиозному фактору»;
- востребованность в обществе результатов исследовательской деятельности («продукции») религиоведов.

Поскольку наблюдения Т.А. Фолиевой созвучны с поставленными М.Ю. Смирновым вопросами, рассматривать их возможно в одном проблемном поле. Выводы, к которым приходит М.Ю. Смирнов, неутешительны. Попробуем их прокомментировать:

- действительно, предметная область религиоведения до сих пор строго не выверена, так как нет единодушия даже в способах дефиницирования религии как социального феномена, не говоря уже о выработке общего для всех ученых определения религии;

- состав и строение религиоведения аморфны, при этом возможны три взаимоисключающих финальных состояния:

- а) религиоведение как целостная комплексная наука (именно за нее ратует Т.А. Фолиева). При этом следует помнить, что комплексная дисциплина и комплекс дисциплин кардинально отличны друг от друга. Они разнятся примерно так же, как федерация и конфедерация – градиентом автономности составных частей. Комплексная дисциплина сродни федерации – на «международной арене» она выступает от лица всех своих «субъектов», ее образующих. А комплекс сравнительно автономных дисциплин напоминает конфедерацию, то есть базисный вектор конфедеративной интеграции не вертикальный, а горизонтальный;

- б) религиоведение как проблемное поле, т.е. депозит всяческих знаний о религии, пополняемый из любых источников, в том числе теологических, герметических и паранаучных (здесь раздолье всяческим «любителям» и дилетантам, профанирующим науку);

в) религиоведение как комплекс сравнительно автономных дисциплин, искусственно объединенных в вузовском учебном процессе.

При этом М.Ю. Смирнов склоняется к первой версии исхода с оговоркой, что *системное состояние религиоведения* стало возможным исключительно в постсоветской России, не ранее второй половины 90-х гг. XX в., что в свою очередь породило проблему профессиональной самоидентификации бывших «научных атеистов»: российское религиоведение (самобытное и самодостаточное) vs религиоведение в России¹ как отрасль мирового (читай – американского). М.Ю. Смирнову, разумеется, хорошо известны публикации наподобие сборника «Вопросы религии и религиоведения»². Именно они позволяют ему аргументировать свою довольно жесткую позицию: в советской России не было религиоведения, а был научный атеизм, с соответствующими институтами – Институтом научного атеизма и университетскими кафедрами научного атеизма, на которых велась планомерная работа по пропаганде научного атеизма и борьбе с религиозными пережитками, то есть фокус внимания «научных атеистов» был сосредоточен на другом – не на религии как преимущественном предмете исследования, а на марксистско-ленинских методах ее изживания и практике атеистического воспитания.

Как явствует из наших наблюдений, системное состояние религиоведения не наступило в Российской Федерации и четверть века спустя, поэтому религиоведение, на наш взгляд, испытывает сейчас «муки прелиминария», пытающегося преодолеть вторую стадию ради достижения третьей, но никак не первой.

Из сказанного выше следует констатация разобщенности усилий зарубежных и отечественных исследователей религии: на Западе практически не известны работы русскоязычных авторов, а зарубежная традиция в Российской Федерации либо возводится в недостижимый идеал (и тогда сочинения отечественных

¹ Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России... С. 167–168, 181.

² Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1. Антология отечественного религиоведения: сборник / Сост. и общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Ч. 1-3: Институт научного атеизма – Институт религиоведения АОН при ЦК КПСС. – М.: Медиа Пром; РАГС, 2009. – 454 с. (ч.1); 425 с. (ч.2); 522 с. (ч.3).

религиоведов превращаются в начетнические компиляции переведенных с иностранных языков цитат с комментариями), либо априорно отфильтровывается как чуждая¹ (до сих пор так дело обстоит с французским постмодернизмом, методологией школы «Анналов», той же акторно-сетевой теорией Бруно Латура, о которой речь впереди).

Но и отечественные религиоведы между собой интегрированы очень слабо, что подчеркивает Т.А. Фолиева. Действительно, достаточно обратиться к Российскому индексу научного цитирования (РИНЦ)², чтобы увидеть, что практически никто не читает произведения даже собственных коллег «по цеху», разве что по необходимости (в качестве соавтора, титульного редактора, журнального рецензента, диссертационного оппонента, ведомственного консультанта). М.Ю. Смирнов обращает внимание и на закрытость институционально оформленных встреч специалистов, что характерно, на наш взгляд, как для конфессионального религиоведения (где от адептов требуется не только знание, но и вера), так и для конкурирующих между собой светских «школ религиоведения», в первую очередь, московской и петербургской.

Профессиональная идентификация религиоведов до сих пор затруднена, поскольку никакое – ни старшее, ни младшее – поколение ученых не отвечает одновременно всем трем необходимым критериям, подразумевающим: а) получение базового религиоведческого образования на специализированной кафедре; б) преподавание на профильном подразделении вуза или зачисление в штат профильной лаборатории НИИ; в) активная результативная деятельность внутри религиоведческого сообщества в качестве «вольноопределяющегося», подтверждаемая сертификатами, дипломами о присвоении соответствующих академических степеней и званий, публикациями в профильных журналах и выступлениями на профильных конференциях (желательно с высоким рейтингом).

На наш взгляд, «Российское Сообщество преподавателей религиоведения» (РСПП) и «Российское Объединение

¹ Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России... С. 174–175, 181.

² URL <http://elibrary.ru>, дата обращения 01.10.2015. – прим. ред.

исследователей религии» (РОИР) наглядно демонстрирует демаркацию двух «религиоведений» в России: «ученого» и «педагогического»¹, причем ситуация усугубляется многократным удвоением их институций за счет размежевания конфессионального и светского религиоведения – с одной стороны, конфессиональной и светской теологии (философского теизма) – с другой. Разумеется, университетская традиция (МГУ–СПбГУ–АмГУ || ПСТГУ–РХГА) стремится нивелировать разногласия, подчеркивая уникальный сплав исследовательских и педагогических программ и достижений кадрового состава классических университетов России вне зависимости от личного отношения религиоведов к религии (будь то доктора философских наук Е.А. Торчинов, Н.Н. Трубникова, В.К. Шохин, или же клирики наподобие А.В. Кураева или С.С. Ванеяна). Об этом говорил в своем интервью «О месте философа, Русской идее и культурном пространстве» порталу «Актуальный русский консерватизм» декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова член-корреспондент РАН В.В. Миронов².

Индифферентизм в отношении к религии оказывается не свойственен религиоведам – достаточно вспомнить неутихающую дискуссию о не/допустимости «методологического атеизма» / принципа «исключенного трансцендентного» в квалификационных сочинениях выпускников философских факультетов университетов.

И последний аспект: результаты нецелевых религиоведческих исследований практически никому не нужны ни здесь, ни за рубежом: при мизерных тиражах они имеют малочисленную читательскую аудиторию. Заинтересовать соотечественников и иностранцев удастся лишь прагматикой – либо целевым грантом в прикладной сфере (наподобие выпуска справочного издания с иностранным участием в авторском коллективе), либо учебным пособием, обязательным для успешной сдачи экзаменов всеми студентами (иностранцами в том числе).

¹ Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России... С. 176–188.

² Миронов В.В. О месте философа, Русской идее и культурном пространстве / Интервью порталу «Актуальный русский консерватизм» декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова // URL <http://русскийконсерватизм.рф/philosophya/>, дата обращения 30.07.2015.

Прогнозы М.Ю. Смирнова и Т.А. Фолиевой весьма пессимистичны. Но объяснить такое состояние дел в отечественном религиоведении вполне возможно при помощи акторно-сетевой теории (АСТ), хотя сам Бруно Латур в полусутоливой форме как-то отказал своему детищу в надежной эвристике¹. Если перечислить важнейшие аргументы, которые приводит М.Ю. Смирнов в защиту *системного состояния религиоведения*, то это будут: функционирование кафедр религиоведения в вузах с соответствующими государственными стандартами образования, программами подготовки и учебно-методическими комплексами, учреждение профильных «ВАКовских» журналов наподобие «Вестника ПСТГУ», «Религиоведения», «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», действие диссертационных советов по специальности 09.00.14 – философия религии и религиоведение, регистрация интернет-порталов вроде «РелигиоПолиса» (<http://www.religiopolis.org/>) и «Религиозной Жизни» (<http://religious-life.ru/>), опыт консолидации молодежи вокруг (ныне уже распавшегося) Московского религиоведческого общества, их старших коллег в РОИР и РСПр, проведение широкомасштабных межвузовских конференций наподобие МГУ–ИФТИ–ПСТГУ и конгрессов российских исследователей религии в СПбГУ, написание и издание многочисленных учебников, альманахов, журналов, монографий и энциклопедий с узнаваемыми названиями: «Основы религиоведения», «Философия религии», «Энциклопедия религий», «Религиоведческие исследования» и т.д.

Однако даже всего этого изобилия оказывается недостаточно, – как резюмирует М.Ю. Смирнов: российское религиоведение схоже с миражом, поскольку у него нет институционально закрепленного коллективного субъекта, и оно владеет лишь смутным контуром незримого предмета². Конечно, отечественному социологу можно поставить в упрек «сгущение красок» и заявить, что он «за деревьями леса не видит». Что интересно, именно этот упрек в неумении перейти от частного к общему звучал и в адрес Бруно Латура. Но таков методологический прием французского

¹ Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. – Oxford, O.U.P., 2005. – P. 141–156 (рус. перев.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. – М.: ВШЭ, 2014. – С. 197–219).

² Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России... С. 164, 176 и 180.

социолога науки – недоверие к устоявшимся стереотипам, особенно эпистемологическим. В своей монографии «Наука в действии»¹ он призывает социологов дотошно фиксировать все микрособытия, например, акции (=действия) ученых и других актантов, чтобы понять, как на самом деле делается «технонаука» (т.е. наука, сопряженная с технологиями, а не с техникой)². Все вышеперечисленные факты, отмеченные М.Ю. Смирновым (журналы, диссоветы, конференции и проч.), охватываются заимствованным из семиотики Альгирдаса Юлиуса Греймаса (1917–1992) АСТовским понятием «актантов»³ («любых действующих лиц – людей и «нечеловеков», о которых повествует текст, ассоциированных в «сеть» = «набор позиций, внутри которого объект ... имеет значение». Подробный обзор и разъяснение латуровской терминологии приводит О.В. Хархордин в своем обширном предисловии редактора⁴). И возникает следующий вопрос: как сеть АСТ устроена? Ответ – ровно как рыболовная (или, если угодно, жемчужная сеть Индры). И в социуме этому соответствует только одна структура – матричная, хотя современный менеджмент пользуется в основном другими: линейной, функциональной, штабной и дивизиональной. Но все они эффективны исключительно в случае регулярного выполнения однотипных задач (т.н. «безассортиментных»).

На «сетевой» характер современного российского религиоведения одним из первых обратил внимание М.Ю. Смирнов. Но в его интерпретации «сетевое» до неразличимости смыкается с «интернетовским», то есть имеется в виду оперативное распространение информации по электронным сетям

¹ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Пер. с англ. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2013. – С. 398–400.

² Мы попытались провести подобный латуровскому мысленный эксперимент. Его результаты отражены в более обширной публикации (настоящая является ее сокращенным вариантом): Давыдов И.П. «Черный ящик» российского религиоведения в свете акторно-сетевой теории Бруно Латура // Вестник РХГА. – 2015. Т. 16, вып. 1. – С. 193–203, особ. 199–200.

³ Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 483–550.

⁴ Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с франц. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2006. – С. 5–56.

коммуникации. «Сетевая» жизнь менее ранжирована, значительно более демократична и выстраивается по матричному принципу, подразумевающему отсутствие «пирамиды власти» – все связи организаторов / руководителей проектов и конкретных соисполнителей горизонтальны без учета должностей и званий, и спорадичны (пример из монографии М.Ю. Смирнова: «объединение под проект» написания энциклопедического словаря¹). Это свидетельствует о наличии диффузной «религиоведческой среды», способной на время создавать «центры кристаллизации» и аккумуляции, в первую очередь, интеллектуальных (но, к сожалению, не финансовых и административных) ресурсов.

Как возможно превратить религиоведение в латуровский «черный ящик», безупречно работающий как нечто целое на выходе из акторной сети и ценный как раз для внешнего наблюдателя и пользователя его продукцией?² Гипотетический совет Б. Латура – использовать философию, единственно способную прокладывать «сверхдлинные сети» благодаря максимальному уровню абстрагирования:

«...Для описания онтологии испытаний сил ... нужен особый язык. Здесь не подойдут ни антропология, ни социология, ни история, из-за того что среди сил есть и нечеловеки... Философский язык

¹ Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России... С. 177–178 и 184.

² Понятие «черного ящика», схема которого: Input → «Black box» → Output в современной науке используется для иллюстрации внешнего поведения системы с ненаблюдаемой внутренней структурой, успешно применил в социологии французский социолог науки Бруно Латур (род. 1947 г.) – один из авторов акторно-сетевой теории. Для теории Латура принципиально важна не закрытость или отсутствие информации об устройстве «черного ящика», а его отказоустойчивость. В идеале любой черный ящик («машина») должен функционировать настолько безотказно и предсказуемо (т.е. выдавать искомый результат), что ни у кого из его пользователей не возникло бы желание «лезть под капот» и разбираться в деталях с принципами его действия. Латур призывает наблюдать за вещами (любими, в том числе «черными ящиками» и «вещами в себе») на расстоянии вытянутой руки: «...так, что вещь могла сбежать и сама установить дистанцию» (Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Пер. с англ. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2013; Он же. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с франц. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2006. – С. 23 и 17). Именно такой загадочной «вещью в себе», на наш взгляд, предстает для наблюдателя современное российское религиоведение – не всем понятно, что это такое, как оно работает и насколько качественно – со сбоями или исправно.

*схватывает ... силы, имеющие волю к мощи»*¹.

Причем сам Латур отдает предпочтение философии Георга Вильгельма Лейбница (за его монадологию), Фридриха Ницше (за «волю к власти») и Жюль Делёза (за «складку»). В «Ирредукциях», построенных на манер трактатов Баруха Спинозы и Людвиг Витгенштейна, Б. Латур постулирует:

*«2.6.4. Как мы назовем ... свободу переходить <из одной сети в другую – И.Д.>? Имя этому ремеслу – философия, и старейшие традиции определяли философов как тех, у кого нет особого поля, территории или области <т.е. как медиаторов. – И.Д.>»*².

Таким образом, в нашем случае именно философия религии способна консолидировать разнородные группы актантов в единую акторную сеть под вывеской «религиоведения». И в этом смысле название профильного подразделения философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова «кафедра философии религии и религиоведения» не просто удачно, а конгениально, поскольку ведущая роль отводится именно философии. Конечно, многие вопросы при этом уходят на периферию, но от этого не становятся «снятыми» в гегелевском смысле слова. Зарубежная наука о религии достаточно мирно уживается и с теологией, и с философией, не отдавая предпочтения кому-либо из них. Как ей это удастся последние пятьдесят лет? Думается, ответ следует искать, во-первых, в совершенно другой – либеральной – системе вузовского образования (даже принципах деления на факультеты и колледжи)³, а во-вторых, в несравнимо более обильном финансировании науко-

¹ Латур Б. Нового Времени не было... С. 32.

² Латур Б. Ирредукции // Кузнецов Андрей ВК. Неопубликованные переводы и рефераты. URL https://vk.com/doc9046581_114363951?hash=7138bdb7885faf12de&dl=a87525f914db32a77d, дата обращения 30.09.2014. Этот перевод выполнен с английского издания трудов Б. Латура. Перевод А.В. Дьякова с французского оригинала, о чем настоятельно просил сам Б. Латур, несколько отличается от цитированного выше. См.: Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Пер. с франц. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2015. – С. 254.

³ См., напр., на рус. яз.: Кларк Бертон Р. Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций / Пер. с англ. – М.: ВШЭ, 2011; Он же. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе / Пер. с англ. – М.: ВШЭ, 2011.

и ресурсоемких академических проектов с медленной отдачей¹.

Как неоднократно подчеркивал Б. Латур, «за все приходится платить» и «все стоит дорого»², то есть прокладка и поддержание в рабочем состоянии акторных сетей весьма трудоемкое и затратное дело (что-то вроде рекомендации: «Хочешь быстро добираться до места назначения – построй метрополитен»). Философия – только локомотив. Но совместных усилий специалистов, заявляющих о себе как о религиоведах, сегодня явно не достаточно, чтобы «черный ящик» религиоведения заработал как следует. Нужны дорогостоящие «пуско-наладочные работы». По Латуру, они включают в себя: мобилизацию актантов, автономизацию научного дискурса, привлечение заинтересованных лиц извне («союзников»), PR-кампании в поддержку проекта, умелое администрирование³. Здесь М.Ю. Смирнов совершенно прав, тем более, что религиоведы со своей акторной сетью могут и опоздать – и пальма первенства перейдет к теологам, у которых есть один сильный союзник – «Бог» (что бы ни понималось под этим термином⁴), который тоже выступает одним из актантов, хотя для Латура «Бог» – «необъектный тип бытия», т.е. «ненаучный объект» в силу неверифицируемости технонаучными методами⁵.

На наш взгляд, дело в том, что регулярно случается подмена понятий «философии-о-религии» и «философии-в-религии», ведь философия способна интегрировать не только научные и философские знания о религии, но и теологические (наглядная иллюстрация – творчество Фомы Аквината). Свежим примером является публикация на русском языке комментария профессора философии Университета св. Фомы (шт. Миннесота) Майкла

¹ На состоявшейся 19-20 июня 2015 г. на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова международной конференции «Российско-германский диалог высших школ» (URL http://new.philos.msu.ru/news/item/konferencija_rossiisko_germanskii_dialog_vyshshikh_shkol-2/, дата обращения 08.08.2015) прозвучали цифры, позволяющие сделать вывод, что германские университеты получают примерно в 50 (!) раз больше средств благодаря разумной финансовой и грантовой политике, чем российские.

² Латур Б. Нового Времени не было... С. 37.

³ Латур Б. Нового Времени не было... С. 36.

⁴ Латур Б. Нового Времени не было... С. 98–106, 147.

⁵ Латур Б. Пастер: Война и мир микробов... С. 236-237.

Роты к статье преподавателя философии в Колледже св. Петра Оксфордского университета Тима Дж. Моусона «Стоит ли размышлять о том, существует ли Бог?», который начинается со слов:

«Философское размышление о Боге и религиозных вопросах уже давно занимает важное место в западных университетах. Даже в государственных университетах преподаются курсы ... в области, известной как «философия религии». <...> Если через двести лет большинство профессоров философии будут атеистами, то, ... философия Бога привлечет не больше внимания, чем философия ведьм...»¹.

Из цитаты с очевидностью следует, что христианский философский теизм в США стремится занять место философии религии, так как философия религии оказывается фактически тождественна «философии Бога». Тот же подход просматривается и в «Оксфордском руководстве по философской теологии», изданном на русском языке при финансовой поддержке Фонда Дж. Темплтона², чья рубрификация (книги, а не фонда) мало чем отличается от кембриджского «Введения в философию религии» Майкла Мюррея и Майкла Рея³, поскольку М. Мюррей, М. Рей и Томас Флинт – единомышленники⁴. Если светские религиоведы (а не светские теологи) не смогут заручиться финансовой, административной, политической поддержкой сильных актантов и не выстроят свою «длинную сеть», они проиграют теологии на своем же предметном поле.

Общий вывод, вычитывающийся из ранних работ Бруно Латтура, таков: эффективно работают лишь горизонтальные сети естественной интеграции. Но их в России исчезающе мало, поскольку старшее поколение «религиоведов», занимающих

¹ Рота М. О том, существует ли Бог, размышлять стоит: комментарий к статье Т. Моусона // Философия религии: Альманах / ИФ РАН. Вып. 4: 2012-2013 / Сост. и отв. ред. В.К. Шохин. – М.: Наука, Вост. лит., 2013. – С. 179.

² Оксфордское руководство по философской теологии / Сост. Т.П. Флинт и М.К. Рей. – М.: ЯСК, 2013.

³ Murray M.J., Rea M. An Introduction to the Philosophy of Religion. – Cambridge, C.U.P., 2008.

⁴ Мюррей М., Рей М. Введение в философию религии. Пер. с англ. – М.: ББИ, 2010. – С. VII–VIII.

ключевые посты, по привычке конструируют субординационные, а не координационные связи. Выход из сложившейся ситуации видится в укреплении междисциплинарных связей, налаживании конструктивного и плодотворного диалога с представителями наук смежного гуманитарного профиля: социологами, политологами, правоведами, историками, филологами, социальными антропологами, культурологами, искусствоведами, археологами и т.д. Уже сейчас это требует от религиоведов расширения кругозора, «снятия идеологических шор», овладения новым понятийным аппаратом и методологией, конструирования мультинаучного академического языка, консолидации усилий профессорско-преподавательского состава по выработке межфакультетских курсов.

И, на наш взгляд, нужно отдавать себе строгий отчет в том, что религиовед, на поверку, – это всегда внешняя для религиоведения фигура, а не внутренняя (для «них» мы – религиоведы, а для себя – нет, так как каждый из нас имеет узкую специализацию в одной или нескольких тематических областях феноменологии религии, философии религии, религиоведческой антропологии, семиотики религиозного искусства и т.д. Напрашивается наглядная параллель с бытовой сферой: для домохозяйки любой крепеж – это «винтик», хотя человек мало-мальски разбирающийся в механических способах разъемных соединений деталей никогда не перепутает винт, болт, гвоздь, костыль, дюбель, шуруп, саморез, пресс-шайбу, спицу, стяжку и т.д. Точно так же, как не существует в технике строительства универсального крепежа (кроме «честного слова», разумеется), не существует и религиоведа-на-все-случаи-жизни, но может быть многопрофильный специалист, например, «религиовед-правовед-искусствовед» (в идеале – с несколькими дипломами). Религиоведение – это пустое рамочное понятие¹, но это не значит, что его нет, этот феномен можно представить себе как раму без картины, в которую можно при желании поместить любой холст (лишь бы подрамник по размеру подошел). Религиоведение – это комплекс смежных дисциплин, относительно самостоятельных, о чем мы неоднократно писали. И наука – это тоже пустое рамочное понятие, всякий раз требующее конкретизации своего содержания

¹ Давыдов И.П. Эпистема мифоритуала. – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 143–146.

хотя бы ради демаркации с пара-/ квази-/ псевдо-наукой. Бруно Латур, позиционирующий себя как социолога науки, открыто заявляет, что науки вообще – нет (но ведь это не значит, что ему отныне больше нечего изучать):

«4.2.1. «Науки» не существует. Это имя, которое дается некоторым частям некоторых сетей, столь неустойчиво, что и вовсе ускользало бы от внимания, если бы в силу некоторого преувеличения ему не приписывалась бы всеобщность. <...> 4.2.2. У «науки» нет своего собственного содержания. Она обретает форму, лишь отвергая то, что дает ей власть... <...> 4.2.3. «Наука» – это искусственная сущность, из-за разнородности сетей раздираемая несправедливостью, меняющая вес и меру в зависимости от того, судят ли об ученых или о не-ученых»¹.

Первичны акторы, вторична наука. Первичны философы религии, социологи религии, психологи религии, историки религии и т.д., вторично религиоведение. И никакой это не «птичий язык». Понятие «рамки» активно используется в прагматике фреймов². А понятие пустоты как абсолютной потенции пронизывает всю философию «Дао дэ цзин» и Шуньявады. Попросту это значит, что каждый специалист должен сам решать вопрос самоидентификации и содержательного наполнения своего труда³. Демонстративное неприятие этого тривиального тезиса некоторыми критиками чрезвычайно тенденциозно. Т.А. Фолиева подсчитала, что не отказались от активных занятий религиоведением в России считанные единицы энтузиастов – чуть больше полусотни человек. Выходит, в массе своей это люди бескорыстные и сочетающие свою неприбыльную профессию с призванием, являющимся прямым следствием их самоидентификации. Они хотят быть, работать, значиться, зваться религиоведами. И будут. Во что бы то ни стало. В худшем случае им не останется ничего другого, как следовать лозунгу, артикулированному Т.А. Фолиевой: «Читай и работай!».

¹ Латур Б. Пастер: Война и мир микробов... С. 285–286.

² См., напр.: Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2011.

³ Латур вообще считает, что нужно различать «религиозную религию», «политическую религию» и «научную религию» (Латур Б. Пастер: Война и мир микробов... С. 255).